

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ВАША ВЗЯЛА, ДЖИВС!

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse

RIGHT HO, JEEVES

Перевод с английского *И. В. Шевченко*

Серийное оформление *А. В. Фереца, Е. Д. Ферец*

Печатается с разрешения
The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate
и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.
В88 **Ваша взяла, Дживс!** : [роман] / Пелам Гренвилл
Вудхаус ; [пер. с англ. И. В. Шевченко]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-099686-5

Между неразлучными Бертрамом Вустером и Дживсом пробежала черная кошка, а точнее — белый клубный пиджак с золотыми пуговицами, ставший причиной размолвки и тайного соперничества юного джентльмена и его слуги. Уязвленный Берти стремится доказать всем, что он куда изобретательнее и умнее прославленного Дживса, а потому берется примирить рассорившихся влюбленных и устроить судьбу школьного друга... Кто же одержит победу в этом нештучном противостоянии гигантов мысли?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1938
© Перевод. И. В. Шевченко, 2010
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-099686-5

Глава 1

— Дживс, — сказал я, — могу я говорить откровенно?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.

— Ничуть, сэр.

— Видите ли...

Хотя нет, постойте. Минуту терпения. Я начал не с того конца.

Не знаю, как вы, а я вечно ломаю себе голову, с чего начать рассказ. Чертовски трудная для меня задача. Тут ни в коем случае нельзя оплошать. Один неверный шаг, и все пропало. Если вы, ради того чтобы создать настроение, подходящую атмосферу и прочий вздор, слишком затянете со вступлением, то слушатели разбредутся.

С другой стороны, если рвануть с места в карьер, публика растеряется и не сможет взять в толк, о чем речь.

Начав излагать эту весьма запутанную историю, где замешаны Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, кузина Анджела, тетушка Далия, дядя Томас, Таппи Глоссоп и повар Анатолий, с вышеприведенного диалога, я впал во вторую крайность.

Придется себя осадить. Взяв во внимание только главное и не отвлекаясь на мелочи, скажу, что, пожалуй, история эта началась с поездки в Канны. Не

отправься я в Канны, не встретить бы мне эту самую Бассет и не купить белый клубный пиджак, Анджеле в глаза бы не видеть акулы, а тетушке Далии не пуститься играть в баккара.

Да, вне всяких сомнений, Канны — point d'appui*.

Ну вот, теперь полный порядок. Приступаю к рассказу.

Итак, в начале июня я устремился в Канны без Дживса — он намекнул, что не хотел бы пропустить скачки в Аскоте. Вместе со мной поехали тетушка Далия и ее дочь Анджела. Таппи Глоссоп, с которым Анджела была помолвлена, тоже хотел ехать с нами, но в последний момент что-то его задержало в Лондоне. Дядюшка Том, муж тети Далии, остался дома: его на юг Франции калачом не заманишь.

Это завязка: в начале июня мы отбываем в Канны в следующем составе — тетушка Далия, кузина Анджела и ваш покорный слуга.

Вроде бы пока все ясно, правда?

Мы были на Ривьере около двух месяцев, и, если не считать того, что тетушка Далия в пух и прах проигралась в баккара, а кузину Анджелу — она каталась на акваплане — едва не проглотила акула, мы, можно сказать, прекрасно провели время.

Двадцать пятого июля, полный сил и бронзовый от загара, в обществе тети Далии и ее чада я отправился в Лондон. Двадцать шестого в семь вечера мы вышли из поезда на вокзале Виктория. А примерно в семь двадцать обменялись любезностями и распрощались — они уселись в автомобиль и укатили в Бринкли-Корт, тетушкино вустерширское поместье, куда через день-другой должен был явиться

* Отправной пункт (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

ся Таппи, а я поехал к себе оставить багаж, привести себя в порядок, переодеться к обеду и ринуться в «Трутни».

Когда я промокал торс полотенцем после столь необходимого и обязательного омовения и болтал о том о сем с Дживсом, вновь входя в привычный круг столичных новостей, в разговоре вдруг всплыло имя Гаси Финк-Ноттла.

Если память мне не изменяет, у нас состоялся приблизительно такой диалог.

Я: Ну, такие вот дела, Дживс.

Дживс: Да, сэр.

Я: В том смысле, что наконец-то я дома.

Дживс: Безусловно, сэр.

Я: Кажется, сто лет прошло.

Дживс: Да, сэр.

Я: Приятно провели время в Аскоте?

Дживс: В высшей степени приятно, сэр.

Я: Что-нибудь выиграли?

Дживс: Вполне удовлетворительную сумму, благодарю вас, сэр.

Я: Рад за вас. Ну, Дживс, что новенького? Кто-нибудь мне звонил? Или, может, заходил?

Дживс: Довольно часто заходил мистер Финк-Ноттл, сэр.

Я вытаращил глаза. Не будет преувеличением сказать, что я даже разинул рот.

— Мистер Финк-Ноттл?

— Да, сэр.

— Вы имеете в виду мистера Финк-Ноттла?

— Да, сэр.

— Разве мистер Финк-Ноттл в Лондоне?

— Да, сэр.

— Провалиться мне на этом месте!

Сейчас объясню, почему я так удивился. Вообще-то я просто ушам своим не верил. Видите ли, Финк-Нотгл — один из тех чудаков, кто не выносит Лондона, подобные экземпляры нет-нет да и попадаются вам на жизненном пути. Если Финк-Нотгл проводит в Лондоне год, то потом на год забирается в глушь, в свое имение где-то в Линкольншире, обрастает мхом и не является даже на традиционные спортивные соревнования между Итоном и Хэрроу. Однажды я его спросил, не тоскливо ли ему в этакой-то глуши, а он говорит: ничуть, ведь у меня в саду есть пруд, я наблюдаю за тритонами и изучаю их повадки.

Я не представлял себе, чего ради Гасси вдруг прикатил в Лондон. Готов был поспорить, что пока тритоны у него в пруду не вымрут все до последнего, никакая сила не заставит его покинуть милый его сердцу медвежий угол.

— Дживс, вы уверены?

— Да, сэр.

— Может быть, вы что-то перепутали? Точно Финк-Нотгл?

— Да, сэр.

— Совершенно невероятный случай! Ведь он уже лет пять не был в Лондоне. Как известно, здесь он не в своей тарелке. Все время торчит у себя в деревне в обществе тритонов.

— Прошу прощения, сэр?

— Да, представьте себе, Дживс, именно тритонов. Видите ли, мистер Финк-Нотгл помешан на тритонах. Вы, должно быть, слышали о тритонах. Это такие маленькие ящерицы, они водятся в прудах.

— Как же, как же, сэр. Водоплавающая разновидность семейства саламандровых, биологический подвид Molde.

— Вот именно. Понимаете, Гасси с детства души в них не чаёт. Он и в школе всегда с ними возился.

— Думаю, среди юных джентльменов, сэр, подобные увлечения не редкость.

— Он держал их у себя в комнате в большой стеклянной банке. Довольно противное зрелище. Уже тогда было ясно, чем все это кончится, но вы ведь знаете, Дживс, что такое мальчишки. В голове ветер, на все плевать, заняты только собой. Мы и значения не придавали тихому помешательству Гасси. Так иногда кто-нибудь походя бросит, что на свете еще и не такое увидишь, вот и все. Можете себе представить последствия. Дурь все больше и больше захватывала Гасси.

— В самом деле, сэр?

— Увы, Дживс. Он совсем спятил. Им овладела тритономания. А когда стал взрослым, забился в глушь и посвятил жизнь этим дурацким тварям. Наверное, поначалу думал, что, если захочет, может в любую минуту их бросить. Но не тут-то было — слишком поздно.

— Явление довольно распространенное, сэр.

— Совершенно верно, Дживс. Словом, последние пять лет он безвылазно живет в своем линкольнширском поместье, отшельник отшельником, людей избегает, через день меняет воду своим тритонам и видеть никого не желает. Вот почему я так удивился, когда услышал от вас, что Гасси вдруг всплыл на поверхность. Просто не верится. Может быть, все-таки вышла ошибка, может быть, приходил какой-то другой Финк-Ноттл? Гасси носит очки в роговой оправе, лицо как у рыбины. Ну что, сходится?

— Джентльмен, который сюда приходил, носит очки в роговой оправе, сэр.

— И похож на экспонат рыбного прилавка?

— Кажется, в его лице действительно можно усмотреть нечто рыбье, сэр.

— Значит, это Гасси. Но черт побери, чего ради его занесло в Лондон?

— Вероятно, я мог бы объяснить, сэр. Мистер Финк-Ноттл посвятил меня в причины, побудившие его посетить столицу. Он приехал сюда из-за молодой леди.

— Из-за молодой леди?

— Да, сэр.

— Уж не думаете ли вы, что он влюбился?

— Да, сэр.

— Ну, знаете, Дживс, это уж слишком. Чтобы я такому поверил? Да никогда.

Я и в самом деле был ошарашен. То есть шутки шутками, но надо и честь знать!

Однако мое внимание привлекла и другая сторона этого странного дела. Даже если допустить, вопреки всем законам логики и здравого смысла, что Гасси влюблен, почему он повадился ходить именно ко мне? Когда человек влюбляется, ему необходимо дружеское участие, но почему он выбрал в поверенные меня?

Будь мы с ним закадычными друзьями, тогда другое дело. Конечно, когда-то мы виделись довольно часто, но за последние два года он не удосужился прислать мне ни одной открытки.

Я изложил свои соображения Дживсу.

— Странно, что он зачастил ко мне. Впрочем, чего не бывает, приходил и приходил. Дело не в этом. Должно быть, бедняга огорчился, узнав, что я в отъезде.

— Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл приходил не к вам.

— Полно, Дживс! Вы только что сказали, что он ко мне приходил, и не один раз.

— Мистер Финк-Ноттл желал побеседовать со мной, сэр.

— С вами? Я не знал, что вы знакомы.

— Я познакомился с мистером Финк-Ноттлом, когда он пришел сюда, сэр. До этого момента я не имел удовольствия его знать. Оказывается, мистер Сипперли, университетский товарищ мистера Финк-Ноттла, порекомендовал мистеру Финк-Ноттлу посвятить в свои дела меня.

Тайна раскрылась. Я все понял. Надеюсь, вы помните, что среди моих друзей за Дживсом давно установилась репутация непревзойденного мастера по части мудрых советов. Если кто-то из нас попадал в передрагу, то первым делом бежал к Дживсу и выкладывал ему свои заботы. Стоило Дживсу вытащить из беды мистера А, как тот отправлял к нему мистера В. Спасенный мистер В посылал к Дживсу мистера С. Ну и пошло, и поехало.

Думаю, подобным же образом сделали себе карьеру все крупные консультанты. Старина Сиппи, я знаю, был потрясен тем, как ловко Дживс устроил его помолвку с Элизабет Мун. Ничего странного, что Сиппи посоветовал Гасси обратиться за помощью к Дживсу. По проторенной, так сказать, дорожке.

— А, значит, вы ему помогаете?

— Да, сэр.

— Понял. Теперь мне все ясно. А что стряслось с Гасси?

— Как ни странно, сэр, но в точности то же самое, что с мистером Сипперли, которому я имел удовольствие оказать помощь. Вы, безусловно, помните, в чем заключались затруднения мистера Сиппер-

ли, сэ. Испытывая глубокую привязанность к мисс Мун, он страдал от неуверенности в себе и потому не мог с ней объясниться.

Я кивнул:

— Как же, помню. Отлично помню. У бедняги Сиппи не хватало мужества решиться. Душа уходила в пятки. Помнится, вы тогда сказали, что ему чего-то очень хочется, что... не помню, как дальше. Там еще кошка замешана, если не ошибаюсь.

— И хочется, и колется, сэ.

— Вот-вот. А кошка при чем?

— Как кошка в пословице, сэ.

— Точно. И как это вы все помните, поразительно. Значит, говорите, Гасси тоже трусит?

— Да, сэ. Всякий раз, как он соберется сделать предложение юной леди, мужество его покидает.

— Однако если он желает, чтобы девица стала его женой, ему все-таки придется ей об этом сообщить, как вы считаете? Как-никак, но приличия этого требуют.

— Вне всякого сомнения, сэ.

Я задумался.

— Знаете, Дживс, по-моему, так и должно было случиться. Признаться, я не ожидал, что Финк-Ноттл падет жертвой нежной страсти, но уж коль так вышло, ничего удивительного, что он струсил.

— Да, сэ.

— вспомните, какую жизнь он ведет.

— Да, сэ.

— Думаю, он лет сто ни с одной девушкой не разговаривал. Дживс, какой урок всем нам — нельзя сидеть сиднем у себя в поместье, в глуши, и глазеть на аквариум с тритонами. Эдак никогда не станешь настоящим мужчиной. Одно из двух: или вы сидите

с тритонами у себя в глуши, или кружите головы девицам. Таков выбор.

— Да, сэ.

Я снова задумался. Мы с Гасси, как я уже упоминал, вроде бы давно потеряли связь друг с другом, и все равно я искренне сочувствовал бедному тритономану, как, впрочем, и всем моим друзьям, и далеким и близким, кому судьба кидает под ноги банановую кожуру. По-моему, Гасси сейчас был как никто близок к тому, чтобы на этой самой кожуре поскользнуться.

Я стал вспоминать, когда мы с ним виделись последний раз. Кажется, года два назад. Я путешествовал на автомобиле и завернул к нему в поместье. Помнится, он мне вконец испортил аппетит — притащил за стол пару этих зеленых тварей с лапками и кудахтал над ними — ни дать ни взять молодая мамаша со своими малютками. В конце концов один из гадов сбежал от Гасси и нырнул в салат. Признаться, когда эта картина вновь встала у меня перед глазами, я засомневался, что несчастный придурок способен ухаживать за барышней и тем более добиться в этом деле успеха. Особенно если его пленила современная девица, развязная, с накрашенными губами и дерзким насмешливым взглядом.

— Послушайте, Дживс, — сказал я, готовясь узнать, что мои наихудшие предположения оправдываются, — что представляет собой девица?

— Я не имею чести знать молодую леди, сэ. По словам мистера Финк-Ноттла, она чрезвычайно привлекательна.

— Он ведь в нее влюблен, да?

— Да, сэ.

— Не называл ли он ее имени? Возможно, я с ней знаком.

— Это некая мисс Бассет, сэр. Мисс Мадлен Бассет.

— Что?!

— Да, сэр.

У меня от изумления челюсть отвисла.

— Разрази меня гром! Подумать только! Как тесен мир, а?

— Молодая леди вам знакома, сэр?

— Не то слово. Ну, Дживс, камень упал с души. Кажется, положение Гасси не совсем безнадежно.

— Вот как, сэр?

— Уверен. Признаться, пока вы не сообщили мне эту новость, я сильно сомневался, что бедняге Гасси удастся повести к алтарю хоть какую-нибудь завалыющую девицу. Ведь он не из тех, о ком говорят «красавец мужчина», надеюсь, вы не станете со мной спорить?

— Нет, сэр. Ваши слова исполнены тонкой наблюдательности, сэр.

— Клеопатре он вряд ли бы понравился.

— Пожалуй, что так, сэр.

— Сомневаюсь, что он приглянулся бы и Теллуле Банкхед*.

— Да, сэр.

— Но когда вы мне сказали, что предмет его страсти мисс Бассет, во мне возродилась надежда. За того, как он, Мадлен Бассет ухватится с большим удовольствием.

Эта самая Бассет, должен вам сказать, нередко по-приятельски захаживала к нам в гости в Каннах. У них с Анджелой сразу завязалась пылкая дружба — между девицами это принято, — поэтому я виделся

* Американская актриса, дочь известного политического деятеля Уильяма Брокмена Банкхеда (1903—1968).

с Мадлен Бассет довольно часто. Когда на меня напала хандра, мне даже казалось, что я шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на упомянутую Мадлен Б.

Но самое скверное — чем чаще мы с ней встречались, тем труднее мне становилось поддерживать разговор.

Сами знаете, как бывает, когда общаешься с некоторыми барышнями. Вас как будто выпотрошили. В их присутствии голосовые связки вам не повинуются, а в голове словно бы опилки. Именно такие ощущения вызывала у меня эта Бассет. Доходило до того, что Бертрам Вустер переминался с ноги на ногу, теребил галстук — словом, вел себя как последний болван и тупица. Поэтому легко представить, как обрадовался Бертрам, когда Мадлен Бассет отбыла в Лондон двумя неделями раньше нас.

Заметьте, вовсе не ее несказанная красота вызывала у меня этот столбняк. Хотя надо отдать ей должное, она была красива — этакая томная блондинка с огромными глазами, однако от ее прелестей дух у меня не захватывало.

Нет, причина, по которой Бертрам, непревзойденный мастер изящной светской болтовни с представительницами прекрасного пола, лишился при виде Мадлен Бассет дара слова, крылась в странном, мягко говоря, образе мыслей означенной девицы. Не хочу ни на кого возводить напраслину, поэтому не стану утверждать, что она кропает стишки, но ее манера разговаривать вызывает живейшие подозрения на этот счет. Когда девица ни с того ни с сего брякает вам, что звезды на небе — это ромашки на лугах Господа Бога, тут невольно призадумаетесь.

Поэтому ни о каком слиянии душ у нас с этой Бассет и речи не шло. А вот Гасси — иное дело. Если

меня ставит в тупик, что девица по уши набита всякими бреднями и сентиментальным вздором, то Гасси наверняка придет от этого в восторг.

Он всегда был мечтатель и размазня, иначе не заточил бы себя в глуши и не посвятил свою жизнь тритонам. Если какое-то чудо поможет Гасси прошептать слова признания, уверен, они с Бассет составят идеальную пару, вроде яичницы с ветчиной.

— Она создана для него, — сказал я.

— Чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

— А он создан для нее. Дело стоящее, и надо во что бы то ни стало его повернуть. Дживс, напрягите интеллект.

— Слушаюсь, сэр, — отвечал усердный малый. — Я немедленно примусь выполнять ваше поручение.

До этой минуты — думаю, вы со мной согласитесь, — у нас с Дживсом царило совершенное согласие. Мы дружески болтали о том о сем, в доме тишь, гладь и божья благодать. Однако — говорю об этом с сожалением — в один миг все резко переменялось. В воздухе повеяло грозой, налетели тучи, и не успели мы опомниться, как послышались раскаты грома. Подобные сцены случаются в доме Вустера.

Первым намеком на то, что обстановка накаляется, было раздавшееся в окрестностях ковра удрученно-осуждающее покашливание. Надо вам сказать, что во время приведенного ранее разговора я, обтеревшись после ванны, начал неспешно одеваться — носки, брюки-гольф, туфли, сорочка, жилет, галстук, а Дживс, стоя на коленях и находясь, так сказать, в партере, распаковывал мои вещи.

И вдруг он поднялся на ноги, держа в руках нечто белое. Взглянув на это нечто, я понял, что назревает еще один домашний кризис, еще одно неизбежное

столкновение двух сильных личностей, и если Бертрам не вспомнит предков-воинов и не встанет на защиту своих прав, он будет повержен.

Не знаю, были ли вы в Каннах тем летом. Если были, то вы, разумеется, помните: каждый, кто рассчитывал стать душой общества, неизменно посещал вечера в казино в обычных фрачных брюках, к северу от которых располагался клубный пиджак с золотыми пуговицами. И с той минуты, как я сел в Каннах в «Голубой экспресс», меня тревожил вопрос, как примет этот пиджак Дживс.

Понимаете, во взглядах на вечерние костюмы Дживс крайне ограниченная личность, настоящий ретроград. У нас с ним уже случались распри по поводу сорочек с мягкой манишкой. А белые клубные пиджаки были тогда на Лазурном берегу предметом повального увлечения, tout ce qu'il y a de chic. И шеголяя в казино «Палм-Бич» шикарным белым пиджаком, который, конечно же, был поспешно мною куплен, я отдавал себе отчет, что дома мое приобретение, скорее всего, будет встречено в штыки.

И приготовился дать отпор.

— Да, Дживс? — сказал я. И хотя голос у меня звучал мягко, внимательный наблюдатель заметил бы в моих глазах стальной блеск. Никто не питает к интеллекту Дживса большего почтения, чем я, однако следует искоренить эту его привычку направлять руку, которая его кормит. Белый пиджак был дорог моему сердцу, и я приготовился сражаться за него с мужеством, достойным моего великого предка сеньора де Вустера, отличившегося в битве при Азенкуре*.

* Селение во Франции, близ которого во время Столетней войны (1337—1453) войска английского короля Генриха V разгромили французов.